

Дружеский круг Михаила Булгакова: Николай Радлов

Заметка посвящена дружбе Михаила Булгакова и Николая Радлова в 1920–1930-е годы и написана на основе архивных материалов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Николай Радлов, Михаил Булгаков, русская литература.

М.А. КОТОВА

Mikhail Bulgakov's circle of friends: Nikolay Radlov

The article is devoted to the history of friendship between Mikhail Bulgakov and Nikolai Radlov in the 1920s and 1930s and based on archival materials.

KEY WORDS: Nikolai Radlov, Mikhail Bulgakov, russian literature.

Николай Эрнестович Радлов (1889–1942) — ленинградский художник, книжный иллюстратор, мастер шаржа и карикатуры, самый узнаваемый и популярный художник сатирических журналов 1920-х годов «Бегемот», «Красный ворон», «Мухомор», «Пушка», «Ревизор», «Смехач» и др. Он рисовал много и охотно, в том числе знакомых Михаила Булгакова — Бориса Асафьева, Владимира Дмитриева, Михаила Зощенко, Василия Качалова, Василия Лужского, Ивана Москвина и Алексея Толстого.

Практически ровесники, они оба были остроумные, светские, любили хорошо одеваться и привлекали женщин.

Скорее всего, они познакомились в середине 1920-х годов. По предположению М.О. Чудаковой [Чудакова: 335],

выступавшие на литературно-художественном вечере в Большом зале Ленинградской филармонии 10 мая 1926 года Евгений Замятин и Михаил Булгаков уже были между собой знакомы¹. Вполне вероятно, что Замятин познакомил Булгакова со своим другом Николаем Радловым, который в том же году проиллюстрировал книжку рассказов Булгакова в серии «Юмористическая иллюстрированная библиотека журнала „Смехач“».

Некоторые сведения о встречах Михаила Булгакова и Николая Радлова 1920-х годов мы можем почерпнуть из дневников второй жены художника Надежды Константиновны Шведе-Радловой. В дневнике за 1927 год Булгаков не упоминается, зато есть краткий и выразительный портрет Евгения Замятина в записи от 26 июня:

А вечером у нас было много народу гостей <...> Федин, Зощенко, Замятин, Лавренев, Прутков. Было хорошо и весело. Сидели до утра. Крюшону была масса. Замятин интересный. Только страшный немного и не доверяешь ему. Узкие, желтые глаза. Скиф, как будто, а может самый обыкновенный обыватель? «Формалист»².

В следующем, 1928-м, году они, по-видимому, часто виделись во время визитов Булгакова в Ленинград. В один из таких приездов Николай Радлов написал маслом портрет Михаила Булгакова³. Увековеченный на картине шарф упоминается в письме Булгакова от 12 апреля 1928 года к Евгению Замятину и его жене Людмиле Николаевне:

Москва встретила меня кисло и прежде всего я захворал. Тем не менее Канторовича я постараюсь найти. В тоске покидая Ваш очаровательный город, не то у Вас, не то у Николая Эрнстовича на вешалке забыл свой шарф (двухцветный — лиловый с черным). Пришлите мне его⁴!

Через месяц, 15 мая, Людмила Николаевна Замятина напомнила Булгакову, что он давно их не навещал:

Простите меня — дуру петербургскую, что пишу Вам. Но обстоятельства необычайной важности заставляют это делать. Ваш наместник в ПБ — Николай Эрн. забыл правила Вашей игры, вводит при поддержке Е И (Замятина. — М.К.) свои, с чем я никак не могу согласиться и подчиниться. Они, напр.,

отрицают право начинающего игру выкладывать слова до хода. Не пора ли Вам приехать в ПБ и навести порядок? Ждем [Из переписки...: 210].

В следующем 1929 году игра в слова по-прежнему популярна и теперь уже Надежда Константиновна упоминает ее в своем дневнике:

В воскресенье [24 марта 1929] Булгаков у нас обедал с Замятинскими. Мы играли в игру составления слов. Хохотали ужасно. Потом с Колей поехали в Music-hole посмотреть костюмы В. Ходасевич. Тоже — мило, но неинтересно⁵.

В «год катастрофы», как сам Булгаков называл 1929-й, Надежда Шведе-Радлова отмечала перемену настроения и подавленность всегда остроумного и обаятельного писателя: «[23 марта 1929 г.] Приехал Булгаков, между прочим. Мы сегодня вечером едем к Малаховским. Завтра у нас верно будут обедать Булгаков и Замятин»⁶. Еще одна запись от 2 апреля:

Сегодня вторник. Прошлую субботу — у Малаховского Булгаков. Занятно, но не весело и не интересно. Наблюдаю со стороны много противного. Сама я с первого раза нравлюсь редко⁷.

В следующий раз Булгаков и Радловы увиделись уже летом. Надежда Константиновна записывала в дневнике 9 июля:

Здесь все время был М. Бул. жил в Токсове. Очень он большой «симпатяга», как он говорит. Ему очень не везет. Пьесы его снимают со сцены теперь две «Дни Турбиных» и «Зойкина квартира» из них шли три года в Москве, а вещи его не печатают. Он говорит, что ему остается только повеситься. Завтра едет в Москву. Будет у нас обедать. Ко мне он шутивно «вязнет» пристаёт. С ним очень смешно и весело. В пятницу у нас были гости и он был. <...> Опять играли в игру с буквами. Хохотали до упаду⁸.

Зимой 1930 года Радловы навестили Булгаковых в Москве и на память об этой встрече в квартире на Большой Пироговской улице писатель подарил свою фотографию

с надписью: «Дорогим Надежде Константиновне и Николаю Эрнестовичу М. Булгаков (Мася) 4 февраля 1930 г.»⁹. Любовь Евгеньевна Белозерская вспоминала, что там же на Большой Пироговской в 1931 году Радлов нарисовал еще один карандашный портрет Булгакова¹⁰. Вспоминая лицо Николая Радлова, она отмечала «острый профиль Савонаролы» [Белозерская: 149].

Несмотря на перемены в жизни Булгакова (после развода с Любовью Евгеньевной он женился на Елене Сергеевне Шиловской) Николай Радлов остался в дружеском кругу писателя и во время своих нередких визитов в Москву с удовольствием навещал Булгакова с новой женой. Одна из первых записей в дневнике Елены Сергеевны — о Радлове: «Он — блестящий собеседник, сложный человек. Очень злой» [Дневник...: 34]¹¹.

Булгаков упоминается в письме Николая Радлова к жене от 13 октября 1933 года: «Булгаковым звонил 2 раза, но они не приглашают, черти»¹² и в фототелеграмме от 20 мая (год не указан):

Милая Диточка, живу благополучно и верчусь по делам. Вернусь, очевидно не раньше 22-го и не позднее 23-го. Был у Булгаковых <...>. Погода хорошая, но не жарко. Дел уйма, не знаю как поспеть со всем¹³.

В 1935 году в письме от 28 января 1935 года Надежда Радлова попросила Булгакова, уже имевшего солидные театральные связи, встретиться с Владимиром Дмитриевичем Метальниковым, ее «хорошим знакомым», который хотел познакомиться с Булгаковым: «...человек он в делах неопытный и в театральные отношения он ничего не смыслит. Ты ему там как-нибудь помоги» [Переписка...: 248]. В 1961 году Владимир Метальников написал воспоминания о Николае Радлове — «безукоризненно-воспитанном светском человеке», замечательном художнике и прекрасном танцоре: «Они (с Н.К. Шведе-Радловой. — М.К.) танцевали превосходно. И в особенности доставляло удовольствие наблюдать за ними — так свободно, уверенно и в тоже время строго-ритмично вел он свою даму»¹⁴.

Тогда же, в 1935 году, в письме от 25 августа Шведе-Радлова поздравляла Булгакова с окончанием пьесы «Пушкин» [Переписка...: 249], а он в ответном сентябрьском письме приглашал ее с мужем в гости:

Приедешь в Москву — покажись! И Коле накажи показаться. Люся вас обоих приветствует. Заканчиваю письмо и я дружеским приветом. Посылаем московские поцелуи.

В конце письма Елена Сергеевна дописала своей рукой две фразы:

Дина, милая, целую тебя крепко и очень кланяюсь Николаю Эрнестовичу. Ах, если бы он сбрил усы!¹⁵.

В 1937 году в Ленинграде стало опасно. В мемуарах Владимира Метальникова описывается один из эпизодов жизни ленинградцев на фоне нарастающего Большого террора:

Я был с ним и Надеждой Константиновной в Доме писателей, на каком-то торжественном вечере (впрочем, компания наша была гораздо больше, только я не помню из кого она состояла). После затянувшегося концерта все пошли ужинать в ресторан. Народу было много и почему-то все в этот вечер были в приподнятом настроении. Ужинали за маленькими столиками — было весело, светло, нарядно. И вдруг кто-то за соседним столиком окликнул Николая Эрнестовича. Я обернулся — это был известный тогда переводчик Стенич. Николай Эрнестович с ним пошептался, а затем наклонился ко мне и сказал мне на ухо: «Стенич мне сообщил, что вчера в Москве арестовали Михаила Кольцова». Черт знает что! До чего же это дойдет! Мне стало на минуту как-то неуютно. Вспомнился «Пир во время чумы». Но мы все-таки продолжали ужинать и веселиться. А на другой день я узнал, что в ту же ночь, придя домой из Дома писателей, был арестован Стенич. Больше уж никто никогда его не видал¹⁶.

Николай Радлов решил переехать в Москву, чтобы попытаться избежать ареста, уже постигшего многих его друзей и знакомых. Елена Сергеевна отметила в дневнике 8 апреля 1938 года:

Вечером был звонок Радловых — Николая и Дины. Оказалось, они переехали из Ленинграда совсем в Москву. Хотят встречи [Дневник...: 192].

Последняя запись о Николае Радлове в дневнике Елены Сергеевны сделана 1 января 1940:

Сегодня поздравления и пожелания продолжают: Маршак, Рапопорт (из Вахтанговского), Радлов Николай, Хмелев, Николай Эрдман, Раевский, Дорохин, Шапошников, Гоша, Захаров [Дневник...: 287].

Николай Эрнестович ненадолго пережил Булгакова — он умер в Москве 29 декабря 1940 года.

Примечания

1 Вполне вероятно, что там же Булгаков познакомился с еще одним участником вечера — Михаилом Зоценко, дружившим и с Евгением Замятиным, и с Николаем Радловым. Вторая жена Николая Радлова Надежда Константиновна Шведе-Радлова в своих дневниковых записях 1920-х годов неоднократно упоминает Зоценко. Приведем здесь одну из таких записей о встрече и ужине 5 марта 1928 года: «...а я с Зоценкой сидели на диване и разговаривали о всевозможных вещах <...> Он очень наивный и в то же время тонкий и хитрый. Тихий с виду и уже пресыщенный своей славой, которой он в то же время дорожит. Его должно быть мучает его недостаток роста. Совершенно впрочем напрасно п. ч. он очень пропорционально сложен» (РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. Ед. хр. 157). Приношу свою искреннюю благодарность Константину Александровичу Роговину за разрешение ознакомиться с двумя тетрадями дневников и письмами Н.К. Шведе-Радловой 1920-х годов.

2 РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. Ед. хр. 157.

3 Портрет находится в частной коллекции.

4 Цит. по изд.: Булгаков М.А. Собр. соч. В 8 т. Т. 8. М., 2001. С. 75.

5 РГАЛИ Ф. 2786. Оп. 1. Ед. хр. 158.

6 Там же.

7 Там же.

8 Там же.

9 Фотография находится в частной коллекции.

10 Рисунок хранится в ГЦТМ им. А.А. Бахрушина (КП 313252).

11 Запись от 4 сентября 1933 года.

- 12 РГАЛИ. Ф. 2786. Оп. 1. Ед. хр. 32. Л. 17.
- 13 Там же. Л. 24.
- 14 Цит. по воспоминаниям В.Д. Метальникова в: РО ГТГ. Ф. 4. Д. 1570. Экземпляр мемуаров хранится также в РГАЛИ.
- 15 Цит. по изд.: Булгаков М.А. Указ. соч. С. 304.
- 16 РО ГТГ. Ф. 4. Д. 1570. Л. 28. Здесь мемуарист допускает ошибку: Михаил Кольцов (1898–1940) был арестован 13 декабря 1938 года, а Валентин Стенич-Сметанич (1897–1938) — 14 ноября 1937 года. Подробнее о нем см.: [Вахитова: 169–202].

Литература

- Белозерская Л.Е.* Воспоминания. М., 1990.
- Вахитова Т.М.* «Русский денди» в эпоху социализма: Валентин Стенич // Михаил Зоценко: материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб., 2001. С. 169–202.
- Дневник Елены Булгаковой / Гос. б-ка СССР им. В.И. Ленина. Сост., текстол. подгот. и коммент. В. Лосева и Л. Яновской. Вступ. ст. Л. Яновской. М.: Кн. палата, 1990.
- Доронченков И.* Художник разнообразный и сильный... // Нева. 1988. № 6.
- Из переписки М.А. Булгакова с Е.И. Замятиным и Л.Н. Замятиной (1928–1936). Публ. В.В. Бузник // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Кн. 1. СПб., 1991. С. 208–226.
- Из переписки М.А. Булгакова 1926–1939 годов (Н.Н. Лямин, С.С. Кононович, О.С. Бокшанская, Н.К. Шведе-Радлова). Публ. В.В. Бузник // Творчество Михаила Булгакова. Исследования. Материалы. Библиография. Кн. 3. 1995. С. 207–251.
- Чудакова М.О.* Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.